

УДК 316.344.23

Регион: экономика и социология, 2015, № 2 (86), с. 113–132

О.Э. Бессонова

КРИЗИС КВАЗИРЫНКА КАК ВОЗМОЖНОСТЬ ВЫХОДА РОССИИ НА МАГИСТРАЛЬНЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ

Экономика России вступила в состояние системного кризиса в связи с исчерпанием потенциала модели квазирынка. Исторически преодоление такого кризиса осуществлялось революционным переходом к экономике раздатка. Однако закономерности глобального рыночно-раздаточного развития открывают возможность эволюционного перехода к порядку открытого доступа через интеграцию рыночных и раздаточных институтов. В статье на основе теории раздатка построена периодическая таблица институциональных форм развития России. Проведен сравнительный институциональный анализ двух трансформационных периодов, основанных на квазирынке. Делается прогноз о формировании в России «контрактного раздатка», который является основой институциональной матрицы открытого доступа, и с этих позиций оценивается перспективность вводимых институциональных норм и правил.

Ключевые слова: институциональная матрица, квазирынок, раздаток, рыночно-раздаточная эволюция, магистральный путь институционального развития, порядок открытого доступа

Начавшаяся в России стагнация является следствием исчерпания потенциала квазирынка, который всегда составлял основу трансформационных фаз институциональных циклов. Исторически такие системные кризисы преодолевались через революционный переход к экономике раздатка. Однако в связи с наступлением новой институциональной

эпохи открывается возможность эволюционного преодоления кризиса путем перехода к порядку открытого доступа [7]. В рамках этого порядка осуществляется синтез рыночных и раздаточных механизмов для оптимизации экономического развития по векторам индивидуальной свободы и общественной справедливости.

КВАЗИРЫНОЧНАЯ ПРИРОДА КАПИТАЛИЗМОВ В РОССИИ

Квазирынок – это такая экономика, в которой формальные рыночные отношения являются только внешней правовой оболочкой неформальных раздаточных связей. Квазирыночная среда представляет собой типичную основу трансформационных фаз раздаточных экономик и возникает в результате институциональной аномии, когда перестают работать правила старого раздатка на фоне еще не сложившихся рыночных механизмов. В России такая институциональная среда всегда возникала в периоды построения капитализма, один из которых проходит сейчас. Сравнение первого и второго российского капитализмов¹ позволило сделать вывод об институциональной идентичности двух периодов, отстоящих друг от друга на столетие.

Новые экономико-исторические исследования [6; 10] показывают, что в период первого капитализма, как и в настоящее время, в России сохранялся большой государственный сектор. Все банки были подчинены Госбанку не только в финансовом, но и в административном отношении. Элементами финансовой системы были также акционерные банки, тесно связанные с иностранными банками. Кризис 1900–1903 гг. ускорил слияние банков с промышленностью. Связь осуществлялась через личные унии: банковские деятели становились во главе промышленных компаний. Каждая российская акционерная фирма находилась в зависимости от одного или нескольких банков.

Позиции государства в тот исторический период не ограничивались присутствием государственного сектора. Инструментом государственного регулирования были и госзаказы, которые давали почти все

¹ В теории раздатка период первого капитализма – с 1861 по 1917 г., период второго капитализма – с 1991 по настоящее время.

ведомства. Еще одним направлением государственного воздействия были казенные монополии: сохранялась казенная питейная монополия, действовали акцизы на сахар и табак. Другими словами, одна часть промышленности находилась в собственности государства, а другая ее часть в той или иной степени подлежала государственному регулированию.

Как и сейчас, российская «буржуазия» в период первого капитализма привыкла надеяться на помощь государства. Казенные заказы были надежным источником доходов, высокие пошлины защищали от конкуренции. Если предприятие оказывалось на грани банкротства, его хозяева обращались за помощью прежде всего к государству. Однако отношение буржуазии к государственному вмешательству было двойственным: с одной стороны, буржуазия была недовольна ограничением сферы своей деятельности, а с другой стороны, устанавливались тесные связи между частными предпринимателями и чиновниками, что порождало коррупцию.

Особенно тесные связи между государством и промышленной буржуазией имели место при производстве вооружения. Например, весь руководящий состав Морского министерства одновременно занимал высокооплачиваемые должности в кораблестроительных компаниях. Директора Государственного банка, Департамента торговли и мануфактур, Горного департамента и других высших государственных учреждений состояли в правлениях крупнейших компаний и коммерческих банков. Другими словами, уже первый российский капитализм базировался на слиянии буржуазии и чиновников в единый слой предпринимателей. Только третью часть предпринимательской элиты составляли не дворяне и не чиновники, а купцы.

После мирового экономического кризиса 1900–1903 гг. стали образовываться монополии, сначала в форме синдикатов, чему способствовали и казенные заказы. Правительство устраивало конкурс и давало заказ той фирме, которая назначала самую низкую цену на свои изделия. Чтобы не сбивать цены, промышленники договаривались между собой и конкурс становился фикцией. В 1902–1904 гг. были созданы наиболее известные синдикаты: «Продамет», «Продуголь», «Продвагон», «Кровля». А к 1909 г. синдикаты объединяли основную

часть предприятий в ведущих отраслях промышленности. Помимо синдикатов среди российских монополий были распространены тресты и концерны. В нефтяной отрасли монополии рождались сразу в форме международных трестов.

Аграрная реформа 1905–1907 гг., как и реформа 1991 гг., имела цель направить развитие сельского хозяйства по фермерскому рыночному пути. Для этого крестьянину было разрешено выходить из общины вместе с землей. Однако к 1916 г. вышли из общины и получили землю в собственность менее четверти всех крестьян. Большинство не только отказались выходить из общины, но и защищали общину с оружием в руках: когда чиновники и землемеры являлись в деревню выделять желающих, крестьяне нередко встречали их кольями и вилами. Из общины выходили крайние полюса – «кулаки» и беднота. Но не вся беднота, а только те, кто уже стали наемными рабочими. Кулаки скупали участки выделявшихся бедняков, объединяли их и на этой основе создавали крупные фермерские хозяйства.

Как и в период постсоветских рыночных реформ, в период первого капитализма жилье было приватизировано. Жилье при фабриках было передано на праве частной собственности их владельцам, которые стали сдавать его своим рабочим. Дома, в которых жили крестьяне в общинах, также стали их индивидуальными владениями. С 1870 г. началось строительство доходных домов частными лицами, и строительный бум продолжался до 1911 г. В это время власти осознали проблему ограниченности рынка жилья из-за низкой платежеспособности рабочих и служащих. Когда перед властями впервые встал вопрос о доступном жилье, был задуман механизм финансирования типового жилищного проекта для рабочих на льготных условиях кредитования. Квартиры стандарта «экономкласса» должны были предоставляться низкооплачиваемым жителям города за невысокую квартирную плату.

По итогам развития первого капитализма в прошлом столетии сформировалось крайне негативное отношение к частнику – как у правительства, так и у населения. «К началу мировой войны власти были готовы перейти к политике достаточно жесткого регулирования в аграрном (и не только в аграрном) секторе, а общественное мнение было готово отнестись с пониманием к мерам подобного рода» [6, с.123].

В записке Министерства финансов 1916 г. отмечалось, что российская экономика вступила в новый этап, когда для ее эффективного развития необходимо государственное регулирование. Подчеркивалось, что будущее России настоятельно требует обеспечения должной планомерности правительственных экономических преобразований. Ведомственную политику необходимо заменить правительственной политикой, опирающейся на единый план, обязательный для всех ведомств. Этот план должен был охватить единой системой все движение продукта от производителя к потребителю, опосредовать связи между ними, регулируя, по возможности, их взаимоотношения [6]. Но эти задачи, поставленные царским правительством еще до революционных событий, были реализованы только в советское время при плановом хозяйственном механизме.

Почему рыночная трансформация раздаточной экономики в России регулярно приводила к построению квазирынка? Квазирынок отличается от классического рынка тем, что использует механизмы купли-продажи для присвоения уже созданных производственных систем и инфраструктуры. Если рынок движим интересами предпринимателей и потребителей, то квазирынок обслуживает прежде всего интересы властных структур через механизмы предпринимательства. Свойство квазирыночности состоит в том, что за внешними рыночными механизмами (конкурсы, тендеры, аукционы) скрываются искаженные по отношению к нормативному порядку раздачи «своим». Нормативно-функциональные отношения сдачи-раздачи, которые в структурированных фазах подчинены реализации государственных задач, в трансформационных фазах переводятся в плоскость неформальных связей, нацеленных на получение личной прибыли от использования государственных ресурсов. Внешне присутствуют все атрибуты рыночного хозяйства: частная собственность, отношения купли-продажи, свободное ценообразование. Однако сохраняется латентное раздаточное содержание: частные компании в массе своей не вырабатывают рыночно ориентированные стратегии, а ведут борьбу за государственный ресурс в разных его формах и стремятся использовать связи во властных структурах для контроля над конкуренцией.

Основой квазирыночных институтов является государственно-коммерческая форма, в которой сейчас существуют крупные государственные корпорации и федеральные фонды. Эта форма коренным образом отличается как от государственных предприятий в экономике раздатка, так и от частных фирм в рыночной экономике. В ней проявляются противоречия между долгосрочным характером государственных инвестиций в виде направляемых бюджетных ресурсов и частными, во многом корыстными, интересами при их освоении. Промежуточные институциональные формы периодов квазирынка носят оппортунистический характер и нацелены на институционализацию практик, в которых латентные раздаточные механизмы продолжают играть главную роль, и позволяют под прикрытием рыночной экономики получать государственный ресурс для личной выгоды. Такие организационные формы являются неэффективными в связи с конфликтом государственных и личных интересов, и одновременно они создают институциональные ловушки в экономике, из которых общество зачастую выбирается уже революционным, а не эволюционным путем. В этом одна из причин того, почему квазирыночные фазы имеют внутренние причины для внезапного торможения и порождают длительную стагнацию на фоне революционного обострения глубинного народного архетипа «борьбы с иностранными захватчиками», к которому в этот период относят именно собственный правящий класс, вывозящий ресурсы и обслуживающий заграничные интересы.

Результаты рыночной трансформации постсоветского периода, как и периода первого капитализма, также привели к построению не эффективного рынка, а квазирынка. Рыночная институциональная матрица, внедряемая в эти периоды, выступает только оболочкой реального хозяйственного механизма, сформированного в недрах предыдущего этапа раздаточной экономики. В фазе исчерпания возникает так называемый «административный рынок» – механизм сращивания интересов чиновников и руководителей хозяйственных объектов в нелегальных формах, близких к частнособственническому совладению. Этот механизм государственно-чиновнического предпринимательства и составляет основу российской экономики в трансформационных фазах. Масштабы оппортунизма в бизнесе существенно превышают

«норму» рыночной среды, а хищническое использование всех видов ресурсов свидетельствует об отсутствии долгосрочной мотивации. Оппортунизм в бизнесе многогранен и проявляется в таких формах, как теневые схемы ухода от налогов, офшоры, «конвертные» зарплаты, невыплаты за сделанную работу, рейдерство, нарушение договоров с контрагентами, «проедание» основных фондов [1].

При квазирынке широко распространяется и «бюджетный» оппортунизм: манипулирование ставками штатного расписания, превращение экономии фонда заработной платы в источник регулярных «премий» для управленцев, статистическая маскировка избыточной дифференциации в оплате труда между управляющими и трудовым коллективом, регулярная практика одновременной занятости бюджетников в нескольких организациях.

Такая экономика в итоге ставит нацию на грань исчезновения, а масштабный уровень оппортунизма приводит к запретительным транзакционным издержкам, из-за которых эффективный бизнес не может развиваться. Потенциал квазирыночной модели быстро исчерпывается, в том числе по причине низкой платежеспособности населения. Квазирыночные периоды заканчиваются, оставляя нерешенными важнейшие вопросы: как обеспечить жильем рабочий класс, сельских жителей – колхозников и служащих-бюджетников, если их доходы с трудом покрывают необходимые затраты на простое воспроизводство семьи, как проводить технологическое обновление, если некуда размещать рабочую силу, и т.д. В итоге для решения задач модернизации единственным выходом становится обращение к раздаточной модели в новых формах. К концу трансформационных фаз ценности и условия жизни подавляющего большинства граждан входят в противоречие с квазирыночной средой, в которой не действует канал обратной связи через административные жалобы и потеряна мотивация к труду из-за массовой ориентации на «быстрые» деньги. Это выливается в поддержку служебно-социальными группами действий государства по восстановлению раздаточной матрицы.

Тем не менее квазирынок в России – объективная фаза институционального цикла, в которой происходит экспериментирование посредством механизма институциональных инноваций. Такая среда дает

временный экономический эффект благодаря ее внешней открытости и переориентации внутренних задач на ресурсное обслуживание мировой экономики, а также за счет рыночного использования уже имеющейся инфраструктуры и индустриальных объектов, созданных в предыдущем цикле. С помощью этого механизма осуществляется подбор новых форм базовых институтов раздатка, которые и составляют основу институциональной матрицы в следующем цикле.

МАГИСТРАЛЬНЫЙ ПУТЬ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Анализ институционального развития России, включая советский период, показал, что свойства базового механизма раздаточной экономики проявлялись в трех институциональных циклах в разных исторических формах. Каждый цикл и его форма раздатка – это адаптация к новой трудовой модели, новым технологиям и новым пространствам (см. таблицу).

На протяжении всего исторического развития экономики раздатка производственные ресурсы находились в общественно-служебной собственности, права на владение ею были распределены между всеми хозяйствующими субъектами, а доступ к ней осуществлялся в форме службы. Отсутствовала частная собственность, ограничивались купля-продажа, залог и наследование по завещанию. Разрешались только мена и наследование по установленному порядку, в особых случаях – продажа недвижимости с разрешения государственных органов.

Работающее население во все исторические периоды развития экономики раздатка «по горизонтали» было организовано в коллективные хозяйства, а «по вертикали» упорядочено по разрядам и чинам и через обязательную систему регистрации прикреплено к месту жительства. Наряду с военной и государственной службой существовала хозяйственная служба с оплатой по общегосударственному штатному расписанию; для ее прохождения работники по нормам и необходимости получали через иерархическую систему условия существования в виде бесплатных жилья, образования и медицинского обслуживания. Хозяйственные объекты (мануфактуры, фабрики,

Периодическая таблица институционального развития России

Структурный блок хозяйственного механизма	Урочный механизм общинного раздатка IX–XII вв.	Тяговый механизм поместного раздатка XVI–XIX вв.	Плановый механизм административного раздатка 1917–1991 гг.
Система управления	Бояре введенные, наказы, пути, чети	Приказы, коллегии, министерства	Министерства, ведомства, комитеты
Формы организаций	Община, посад, слобода	Поместье, служебная вотчина, община, фабрики казенные, посессионные, вотчинные	Государственные предприятия и организации, колхозы, совхозы
Директивные производственные задания	Урок, дань на основе грамоты князя	Тягло, подушная подать, наряды, повинности – государственная роспись доходов и расходов	План для предприятий, организаций – Госплан
Единая система нормативов	Црен, чан, кузница, погородье, почестье, от дыма, от орала, от сохи	Подушная, подворная, посошная подати, обжа, оброк	Территориально-отраслевая нормативная база
Централизованные цены	По закону «Русской Правды» в гривнах, кунах, ногатах	Указные цены	Тарифы и цены – Госкомцен
Безналичная система обеспечения	Розданы, данье, милость, дары, пиры	Наделение фабрик деньгами и ресурсами из государственной казны	Фондирование предприятий – Госснаб, финансирование – Госбанк
Оплата служебного труда	По родословцу – для бояр и князей, оуроци – для работающих	Табель о рангах – для дворян, указные ставки казенного плаката – для крестьян и рабочих	Номенклатурный перечень для руководства, единая тарифная система и штатное расписание должностей – Госкомтруд
Обеспечение жилищем и социальными благами состоящих на службе	Коллективное строительство жилья из выданных материалов – для общинников, раздача земли – для бояр	Наделение поместьями и служебными вотчинами, домами в городах, расселение в фабричном жилье	Раздача жилья по очереди и по нормативам, бесплатные образование, медицина
Система обязательной регистрации	Общинник не мог покинуть общину без разрешения, только для подачи жалобы князю	Крепость – полное прикрепление к земле, нельзя покинуть место жительства без разрешения вышестоящего начальства	Прописка по месту жительства – без прописки и жилья не брали на работу, без работы не прописывали
Сигнальная система	Жалобы князю	Жалобы, челобитные в ведомства	Иерархические жалобы, обращения в партийные органы, газеты

колхозы, заводы и т.д.) в основном создавались государством и находились под контролем ведомственной системы управления по территориальному или отраслевому контуру.

Организации и предприятия всех исторических этапов раздаточной экономики для выполнения производственных заданий получали через раздачу (или безналичное фондирование по советскому образцу) все необходимые ресурсы: средства производства, сырье, материалы и комплектующие, зарплату и другие оборотные средства, а также средства на строительство и содержание жилья. Исходя из народно-хозяйственных потребностей, определяемых госорганами с учетом имеющихся мощностей, устанавливались директивные задания по сдаче продукции, которые разрабатывались в количественных показателях и фиксировались в нормативах. Единая система нормативов обеспечивала все экономические пропорции: на продукцию сдаваемую и раздаваемую назначались централизованные цены на государственном уровне; для обеспечения потребительскими продуктами функционировали государственные магазины с фиксированными ценами; жалобы и обращения от всех служебно-социальных групп обрабатывались в органах управления, где для этого были предусмотрены специальные регламенты. В этой ситуации личные подсобные хозяйства, дачные и садовые участки, индивидуальное и кооперативное жилье, рыночная торговля на базарах выполняли функцию «подстраховки» раздаточных отношений и также находились под контролем государства.

Таким образом, историческая логика институционального развития России привела к экономике раздатка советского периода. Советский Союз не просто повторил российскую историю, взяв на вооружение раздаточные механизмы, а развил их и довел до совершенства с точки зрения возможностей конкретной исторической эпохи. Методология оптимального планирования, логика дотационных схем, методика общественных секторов и фондов потребления позже были заимствованы западной рыночной экономикой в кризисные периоды ее развития. Внутренняя динамика всего цикла советской экономики также была воспроизведена по однотипным историческим лекалам, хотя и в более сжатые сроки, практически с тем же уровнем насилия,

который наблюдался в предыдущих циклах. Тем не менее насилие нельзя рассматривать как неотъемлемую часть исключительно экономики раздатка – рыночная экономика на аналогичных стадиях своего развития также проходила через насильственные формы [7]. Сегодня важно отделить устаревшие методы реализации модернизационных программ от самой раздаточной матрицы. Использование модели экономики раздатка в определенные исторические периоды поднимало российское общество на новую ступень развития. На ее основе преодолевалось технологическое отставание от Запада, а по некоторым позициям обеспечивалось мировое лидерство.

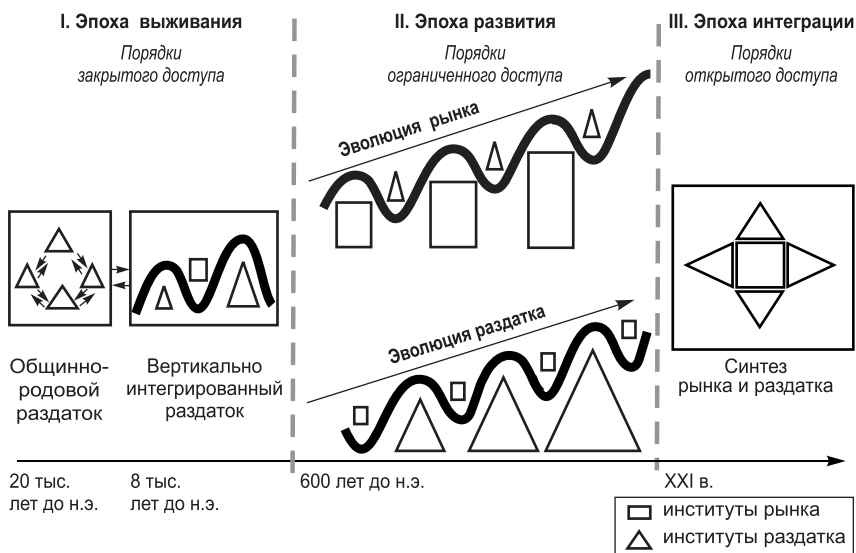
Марксистская платформа социалистической идеологии, на которой был построен Советский Союз, отрицала частную собственность и рыночную экономику. Современный мейнстрим базируется на абсолютизации рынка и частной собственности. Более того, утверждается, что все нерыночные институты по своей сути архаично-традиционные и должны быть преобразованы в рыночные.

Однако и рынок, и раздаток зародились в глубокой древности как два объективно необходимых институциональных механизма выживания человечества. Раздаток организовывал хозяйственную жизнь общин, обеспечивая приспособление к природной среде, а рынок формировал экономические связи между общинами. Раздаток возникал как реакция на неопределенность внешней среды, в рамках которой затраты и результаты экономической деятельности не находились в однозначном соответствии. Более того, такого соответствия в связи с непредсказуемостью природно-климатических условий часто просто не существовало. Поэтому любой полученный результат естественно считался интегральным, т.е. принадлежащим всему обществу, независимо от трудовых и временных затрат на его получение.

Нормы распределения ресурсов и согласование взаимодействий внутри общины отлаживались веками, пока не вызрели в устойчивые формы служебного раздатка. Затем обезличенные институты раздатка (впервые около 4 тыс. лет назад) были перенесены на высший, надобщинный уровень, из которого родились государственные образования (царства, княжества, империи), предоставляющие возможность эффективно координировать деятельность большого числа общин [4].

Рынок, напротив, помогал человечеству индивидуализировать затраты и результаты, что позволяло отбирать более эффективные формы развития, которые затем часто использовались и в раздаточной среде. Именно поэтому рынок и раздаток всегда дополняли друг друга и, несмотря на конфликтное взаимодействие, обеспечивали равновесие социально-экономических систем начиная с древнейших цивилизаций (см. рисунок).

В эпоху выживания экономика раздатка проявлялась в двух видах: на базе родовых общин, а затем в рамках империй, соединяющих общины для реализации масштабных работ под руководством централизованной власти. В кризисные периоды империи вводили частное

Закономерности рыночно-раздаточной эволюции²

² Категории «порядок ограниченного доступа» и «порядок открытого доступа» введены Д. Нортон, Д. Уоллисом и Б. Вайнгатом [7]. Здесь они используются для демонстрации соотношения между этапами рыночно-раздаточной эволюции и этими социальными порядками, которые в теории раздаточной экономики ранее я называла монасударством и демосударством.

владение, в результате чего развивались квазирыночные институты. Исторически рынок был рожден самим раздатком для решения внутренних проблем и существовал длительное время только в недрах вертикально интегрированного раздатка древних империй [8]. Частные формы владения ослабляли империи и приводили к их распаду или завоеванию другими империями, находящимися в тот момент в стабильной раздаточной фазе [2]. Именно поэтому длительное время частная собственность не могла стать самостоятельной основой экономической эволюции.

Во времена Древнего Рима, более 2,5 тыс. лет назад, началась эпоха институционального развития, когда выделились два типа экономических систем, в которых доминантой выступали либо частная собственность и отношения купли-продажи, либо общественно-служебная (государственная) собственность и отношения сдачи-раздачи. В эту эпоху развитие рыночных и раздаточных институтов происходило на идентичных трудовых моделях: рабстве, крепостном праве, наемном труде.

Разделение экономики на рыночную и раздаточную произошло в связи с различиями в устойчивости территориально-служебных империй Востока и колониальных империй Запада. Восточные государства раздавали завоеванные территории в служебную собственность и включали их в состав своего государства. Западные государства формировали колонии вдали от своих территорий и закрепляли захваченные земли в частную, т.е. полностью суверенную, собственность [9].

Служебный труд являлся интегрирующей основой, соответственно, служебных империй, поскольку связывал через свои механизмы разнокалиберные регионы и большое количество народностей. Но для своей реализации он требовал раздачи материальных условий труда и эквивалентности сдачи-раздачи. Многонациональное население России во всех трех институциональных циклах находилось на службе у государства, привнося в его развитие свой неповторимый опыт адаптации к определенной территории, ставшей частью российской и советской империй. Именно служебные механизмы раздаточной экономики снимали национальные противоречия, пока сам раздаток не попадал в кризис. Однако квазирынок, устраняя принцип служебного

труда, открывал простор межнациональным конфликтам по поводу ресурсов, располагающихся в мононациональных регионах. В периоды квазирынка Россия из служебной империи превращалась по своей внутренней организации в империю колониальную. Правящая элита возвращалась к политике «руссов» [3], собирающих дань и вывозящих ее на Запад, а служебные производительные сословия оказывались «рентопотребителями», зависящими от связей с властными структурами [4].

Результатом квазирынка каждый раз становилась угроза территориального распада России или ее действительного завоевания, что и являлось причиной быстрого восстановления раздаточных механизмов под эгидой новой идеологии. Западные идеи – христианство и марксизм в России существенно трансформировались и приобретали особый смысл. Православие обосновывало путь к Творцу только через служение государству, в то время как протестантизм критерием соединения с Творцом считал достижение личного успеха.

Социализм в России стал служебно-государственной идеологией построения «светлого будущего». Внедрение идеологии служебного труда после периодов квазирынка меняло природу российского государства также и экономически, поскольку вновь его ресурсы направлялись на внутренние модернизационные цели и на осуществление службы всеми социальными группами. На основе идеологического проекта общественного единства и разворачивался каждый из трех институциональных циклов.

С тех пор как в начале эпохи институционального развития человечество разделилось на рыночный Запад и раздаточный Восток, оно находилось в состоянии конфликтного рыночно-раздаточного равновесия. К началу XX в. противостояние идеологий рынка и раздатка привело к разному толкованию свободы и справедливости в рамках учений либерализма и социализма. В целом результатом данной эпохи стали зрелые формы базовых институтов рынка и раздатка, проявившие как позитивные, так и негативные свойства.

В механизмах развития базовых институтов рынка и раздатка заложено использование противоположных архетипов по принципу «доминантности – компенсаторности» или даже полного замещения в кризисной фазе. Поэтому рыночные и раздаточные институты

развивались одновременно, помогая друг другу проходить трансформационные периоды. В эпохи кризисов и трансформаций обычно включались механизмы институционального заимствования из противоположной среды [5]. После Великой депрессии 1930-х годов рыночная экономика стала активно заимствовать из советской экономики институты раздатка. И уже к 1960-м годам на Западе многие государства стали социальными, т.е. была построена экономическая система, опирающаяся на интеграцию базовых рыночных институтов и компенсаторных раздаточных механизмов в форме широкомаштабных социальных программ, общественных секторов, бюджетной поддержки низкорентабельных отраслей, государственных инвестиций в инфраструктуру и инновационные технологии.

Этот период развития рыночной экономики Д. Норт и его коллеги назвали порядком открытого доступа, когда «граждане разделяют системы убеждений, которые акцентируют равенство, совместный доступ и всеобщее включение. Чтобы поддержать эти убеждения, все порядки открытого доступа используют институты и проводят политику, позволяющие распределить выгоды и понизить индивидуальные риски участия в рыночной деятельности, которые включают всеобщее образование, набор программ социального страхования, а также обширную инфраструктуру и общественные блага. Более того, поскольку эти программы широко распределяют выгоды рыночной экономики дополняющим рынком способом, они способствуют снижению потребности граждан в таком перераспределении, которое способно нанести вред экономике» [7, с. 204–205]. Именно этот порядок и есть магистральный путь развития как для рыночных, так и для раздаточных экономик.

Раздаточные отношения в рыночной экономике представлены финансовыми гарантиями для пенсионной системы, пособиями по безработице, системой социальной защиты, государственной поддержкой малого и среднего бизнеса. Все это прямые раздачи в разных видах и формах, как пассивных – посредством пособий и соцзащиты, так и активных – через субсидии малому и среднему бизнесу. Но главное – это государственные жилищные программы, которые сделали собственниками большинство населения, изменив рыночную

жилищную стратегию: от частного найма к обладанию собственным жильем. Посредством раздаточных отношений значительная доля граждан получила от государства либо пособия на жилье, либо дешевую ипотеку, а значит, право собственности на недвижимость и на свой мелкий бизнес, в результате чего средний класс стал составлять необходимое для устойчивой демократии большинство.

Активное интегрирование институтов раздатка, во многом заимствованных из советской практики, происходило с целью минимизации провалов рынка и создания социальных государств за счет системы общественных благ, перераспределяющей выгоды от рыночной экономики между разными социальными слоями. Институты и механизмы раздатка, имплантированные в рыночную среду, снижали возможный уровень агрессии и насилия со стороны малоимущих групп. Это привело к формированию порядка открытого доступа и качественно видоизменению идеологии рыночной экономики, которая ориентируется уже не только на личный успех, но и на обеспечение равных шансов для развития всем социальным группам.

Российская экономика в периоды квазирынка, в свою очередь, активно заимствовала западные институты, которые приживались на местной почве только после существенного видоизменения, многие же просто отторгались. Сегодня заимствование идет без учета ограниченного и открытого порядков, в рамках которых развивалась рыночная экономика. Рыночные институты порядка ограниченного доступа, поляризующие население по уровню жизни, в развитых странах давно изжиты, в то время как Россия пытается осуществить очередную модернизацию на основе именно этих неэффективных институтов.

Возьмем пример с жилищной ипотекой. Сравнение российской и американской ипотечной системы показывает, что американцы к ней относятся достаточно позитивно, в России же ипотека воспринимается как долговая кабала, она ориентирована на потребности только узкого сегмента среднего класса. Это происходит потому, что американская модель в начале XX в. была трансформирована с учреждением ипотечных государственных корпораций. Федеральный бюджет США взял все страховые риски на себя, в результате чего были сформированы доступные ипотечные продукты для разных социальных

групп. В России же применяется чисто коммерческая схема ипотеки, когда все риски перекадываются на заемщика. Именно такая модель ипотеки привела к тому, что жилищный рынок в России работает неэффективно и разрыв между массовым спросом на доступное жилье «экономкласса» и элитным предложением дорогостоящих квартир, большинство из которых используются только как инвестиционный ресурс, все увеличивается.

Процесс перехода от порядка ограниченного доступа к порядку открытого доступа означает новую эпоху в развитии человечества – эпоху интеграции на базе разнообразных сочетаний рыночных и раздаточных форм, способных создать условия для одновременной реализации принципов свободы и справедливости. В институциональной матрице России в эпоху интеграции рыночных и раздаточных институтов в сравнении с советским периодом произойдет развитие по следующим направлениям:

- стратегическое и программно-целевое планирование заменит пятилетнее директивное планирование;
- вертикально интегрированные корпорации и холдинги разных форм собственности придут на смену отраслевым комплексам с иерархическим подчинением;
- государственные долгосрочные контракты с разными по форме собственности хозяйственными субъектами заменят директивные распоряжения;
- госзаказ и конкурсное распределение бюджетных ресурсов между организациями разных форм собственности придут на смену отраслевому натуральному «фондированию»;
- бюджетный хозрасчет в государственном секторе отменит жесткую регламентацию статей затрат;
- оплата с учетом результативности труда в отраслевом разрезе заменит выплаты на основе общероссийского штатного расписания;
- жилищная модель будет сочетать механизмы частной и государственной (социальной) ипотеки, вновь разовьются сектора служебного и социального жилья, но уже с новыми правилами предоставления.

Эффективной моделью развития России может стать только контрактный раздаток, поскольку в нем рыночные инструменты смогут органично дополнять раздаточные институты, а порядок ограниченного доступа на квазирынке преобразуется в порядок открытого доступа и общественного служения. Такая модель предполагает раздачу общегосударственных ресурсов предпринимателям и бюджетникам всех уровней на контрактной и конкурсной основе под условия выполнения ими госзаказа, сформированного на базе государственных программ стратегического развития отраслей и территорий. Для России это перспективная модель социального государства, из которой Советский Союз сумел осуществить лишь малую часть необходимого, однако при этом стал катализатором социального порядка открытого доступа для всего мира.

Список источников

1. Барсукова С.Ю. Теневая экономика: специфика фаз в условиях раздатка // Вопросы экономики. – 2012. – № 12. – С. 133–145.
2. Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. – М.: Евразия, 1995. – 205 с.
3. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.), 2001. – URL: <http://www.lants.tellur.ru/history/danilevsky/> (дата обращения 08.10.2014).
4. Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. – М.: Фонд «Общественное мнение», 2008. – 216 с.
5. Кузьминов Я.И., Радаев В.В., Яковлев А.А., Ясин Е.Г. Институты: от заимствования к выращиванию (опыт российских реформ и возможность культивирования институциональных изменений) // Вопросы экономики. – 2005. – № 5. – С. 5–27.
6. Мау В.А. Государство и экономика: опыт экономической политики. – М.: Дело, 2010. – Т. 1. – 710 с.
7. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. – М.: Ин-т Гайдара, 2011. – 480 с.
8. Полян К. Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени. – М.: Алетей, 2002. – 320 с.
9. Хикс Дж. Теория экономической истории. – М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2003. – 224 с.
10. Экономическая история мира. Европа / Под ред. М. Конопова. – М.: Дашков и К^о, 2005. – Т. 3. – 350 с.

Информация об авторе

Бессонова Ольга Эрнестовна (Россия, Новосибирск) – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник. Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17, e-mail: beol@ngs.ru).

DOI: 10.15372/REG20150606

Region: Economics and Sociology, 2015, No. 2 (86), p. 113–132

O.E. Bessonova

THE QUASI-MARKET CRISIS AS AN OPPORTUNITY FOR RUSSIA TO JOIN THE MAINSTREAM OF DEVELOPMENT

The Russian economy has entered a systemic crisis due to the exhaustion of quasi-market model. In the course of history, countries overcame it through a revolutionary transition to the «razdatok» economy. However, regularities of market-razdatok global development give the possibility of an evolutionary transition to an open access regime by integrating market and razdatok institutions. We use the Razdatok theory and build a periodic table of the institutional development of Russia. The article contains a comparative institutional analysis of the two transition periods based on quasi-market. We give a forecast of how a «contract razdatok», which is the basis of the institutional matrix of an open access regime, can appear in Russia and assess the prospects for introduced institutional norms and rules.

Keywords: institutional matrix, quasi-market, razdatok, market-razdatok evolution, mainstream institutional development, open access regime

References

1. Barsukova, S.Yu. (2012). Tenevaya ekonomika: spetsifika faz v usloviyakh razdatka [The shadow economy in the framework of «razdatok»]. *Voprosy ekonomiki* [Problems of Economics], 12, 133–145.

2. *Gaidar, Ye.T.* (1995). *Gosudarstvo i evolyutsiya* [State and evolution]. Moscow, Evraziya Publ., 205.

3. *Danilevskiy, I.N.* (2001). *Drevnyaya Rus glazami sovremennikov i potomkov (IX–XII vv.)* [Ancient Rus as Seen by Contemporaries and Descendants (IX–XII cc.)]. Available at: <http://www.lants.tellur.ru/history/danilevsky/> (date of access: 08.10.2014).

4. *Kordonskiy, S.G.* (2008). *Soslovnaya struktura postsovetskoi Rossii* [Social Class Structure of Post-Soviet Russia]. Moscow, Fond «Obshchestvennoe mnenie» [Public Opinion Foundation], 216.

5. *Kuzminov, Ya.I., V.V. Radaev, A.A. Yakovlev & Ye.G. Yasin* (2005). *Instituty: ot zaïmstvovaniya k vyrashchivaniyu (opyt rossiiskikh reform i vozmozhnost kultivirovaniya institutsionalnykh izmenenii)* [Institutions: from borrowing to growing (Russian reforms and a chance to cultivate institutional changes)]. *Voprosy ekonomiki* [Problems of Economics], 5, 5–27.

6. *Mau, V.A.* (2010). *Gosudarstvo i ekonomika: opyt ekonomicheskoy politiki. Tom 1* [State and Economy: Economic Policy Practices. Volume 1]. Moscow, Delo Publ., 710.

7. *North, D., J. Wallis & B. Weingast* (2011). *Nasilie i sotsialnye poryadki. Kontseptualnye ramki dlya interpretatsii pismennoy istorii chelovechestva* [Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]. Moscow, Gaidar Institute, 480.

8. *Polanyi, K.* (2002). *Velikaya transformatsiya. Politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni* [The Great Transformation. The Political and Economic Origins of Our Time]. Moscow: Aleteiya Publ., 320.

9. *Hicks, J.* (2003). *Teoriya ekonomicheskoy istorii* [A Theory of Economic History]. Moscow, *Voprosy ekonomiki* [Problems of Economics], 224.

10. *Konotopov, M.* (Ed.). (2005). *Ekonomicheskaya istoriya mira. Evropa. T. 3* [Economic History of the World. Europe. Vol. 3]. Moscow, Dashkov & Co. Publ., 350.

Information about the author

Bessonova, Olga Ernestovna (Novosibirsk, Russia) – Doctor of Sciences (Sociology), Leading Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia, e-mail: beol@ngs.ru).

Рукопись статьи поступила в редколлегию 18.11.2014 г.

© Бессонова О.Э., 2015